

Исследовательская рефлексия

Опыт работы в религиозном поле: рефлексия на примере исследований в Республике Татарстан¹

DOI: 10.19181/inter.2022.14.2.5

Ссылка для цитирования:

Гибадуллина М. Р. Опыт работы в религиозном поле: рефлексия на примере исследований в Республике Татарстан // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 2. С. 80–92. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.2.5>

For citation:

Gibadullina M. R. (2022) Experience in the Study of the Religious Field: Reflection on the Example of Republic of Tatarstan. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 14. No. 2. P. 80–92. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.2.5>

Гибадуллина Миляуша Рустамовна

Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

E-mail: g.milya@mail.ru

Статья представляет собой исследовательскую рефлексия вхождения и работы в религиозном поле, описание физического контекста исследования и фрейма исследователя в конкретном случае через основные аспекты: идентичность исследователя (пол, возраст, национальность), собственная исследовательская позиция, определяемая через соотношение инсайдерства и аутсайдерства. Автор обращает внимание на то, что позиция исследователя не может быть четко определена через категории инсайдера и аутсайдера, каждый участник исследования имеет сложную систему идентичностей, культурных и социальных маркеров, которые обязательно будут иметь точки соприкосновения, пересечения и расхождения. В статье раскрыты особенности осуществления эмпирической части исследования, посвященного жизненным стратегиям молодых мусульман, в частности вопросы организации исследования, налаживания коммуникации с исследовательским полем, проведения интервью.

Ключевые слова: качественные методы; интервью; исследователь; объект исследования; поле; контекст исследования

¹ Статья подготовлена участником «Программы стажировок работников и аспирантов российских вузов и научных организаций в НИУ ВШЭ» на базе кафедры анализа социальных институтов на основе данных, полученных в период стажировки.

Введение

Данная работа представляет собой исследовательскую рефлексию вхождения и работы в религиозном поле, описание физического контекста исследования и фрейма исследователя в конкретном случае. Схему формирования исследовательской позиции составили следующие основные аспекты: рефлексивная личностная идентичность исследователя (самооценка исследователем своих личных и социально-демографических характеристик: пола, возраста, профессии, конфессии и т.д. с точки зрения их роли в формировании собственной исследовательской позиции), этическая ориентация по отношению к целям, субъектам, результатам исследования, а также собственно исследовательская роль, определяемая через соотношение инсайдерских и аутсайдерских компонентов [Филькина, 2009]. Начинающему исследователю всегда интересен опыт входа в разные эмпирические поля, а в рамках качественных исследований сравнение своих ощущений с мнениями и впечатлениями коллег становится постоянным спутником. Данный пласт рефлексии в отечественной социологии не так популярен, и оттого большой интерес вызывают существующие публикации о разнообразных аспектах полевых рисков для антрополога в современном мире [Willms, 2022; Форум..., 2021; Рогозин, 2017].

Актуальными для качественного исследования являются вопросы репрезентативности результатов, особенностей интерпретации полученных данных, объема влияния самого исследователя на предмет исследования и другие [Рождественская, Семенова, 2017]. Тем не менее при определенных исследовательских задачах качественная социология позволяет получать более глубокие, личностно-прожитые результаты и раскрывает новые грани объекта исследования. Качественная социология позволяет выстроить иные отношения с теорией, гипотезами и результатами; исследователь имеет определенное представление об объекте и поле, но процесс исследования, поиска всегда будет влиять на исследовательские вопросы, так как новые знания генерируют новые проблемы.

Несмотря на то, что использование качественных методов в истории социологии было волнообразно, сейчас мы наблюдаем очередной рост числа исследований в рамках биографического метода, глубинных, нарративных интервью. Например, Т. Дони отмечает тенденцию обращения к обоснованной теории (Grounded Theory — построение теории из эмпирических данных), компьютерного сопровождения и визуальных исследований [Дони, 2018]. Сегодня постепенно исчезают расхождения между теми, кто считает, что проведение исследования заключается прежде всего в нейтрализации субъективных вмешательств и установлении контроля над результатом исследования (со стороны научного сообщества), и теми, кто считает, что центральная проблема социологии в «понимании», то есть в умении успешно открывать определенные формы социальной жизни. Например, современные эмпирические исследования жизненных стратегий и траекторий, жизненно-го мира, ценностей различных групп общества строятся с использованием

качественных методов [Русакова, 2019; Галкин, 2018; Осипова, Энвери, 2016; Кучмаева, 2019]. Качественная стратегия апеллирует к рефлексивности исследователя-субъекта, способного к пониманию смыслов в том или ином локальном контексте, что является важным методологическим принципом [Чудова, 2008: 107]. В рамках отечественной социологии религии также активно развивается направление исследовательской рефлексии, анализа опыта применения конкретного инструментария в рамках определенного кейса.

Кейс исследования жизненных стратегий молодых мусульман Татарстана

В рамках изучения религиозности учащихся и преподавателей мусульманских учебных заведений Татарстана нами было запланировано проведение исследования жизненных стратегий мусульманской молодежи. Основным методом было выбрано биографическое интервью, в котором вопросы о религиозности не акцентировались, а находились в одном ряду с другими. Анализ применения биографического интервью представлен Е. А. Островской на примере исследования религиозной части еврейской диаспоры Санкт-Петербурга. Особенно подробно автор раскрывает специфику вхождения в закрытое сообщество, организацию самого интервью и его структуру [Островская, 2016]. О структуре религиозной биографии верующего на примере православных пишет О. В. Тупахина [Тупахина, 2012]. К. С. Дивисенко и О. В. Дивисенко с помощью биографического изучения жизненного мира верующих (православных) демонстрируют соотношение уровня религиозной авторефлексии и особенностей религиозного поведения [Дивисенко, Дивисенко, 2016]. Таким образом, мы продолжили традицию качественной социологии по исследованию жизненных траекторий на примере молодых мусульман.

Для лучшего понимания поля исследования и налаживания контакта с учащимися медресе были заранее проанализированы образовательные программы и перечни изучаемых в каждом учебном заведении предметов, расписания занятий. Кроме того, было учтено время намазов (молитв) с целью планирования интервью в перерывах между обязательными молитвами, так как основная масса верующих негативно рассматривает различного рода произвольное вмешательство третьих лиц в устоявшийся порядок совершения обрядов.

Теоретическая основа исследования была разработана в рамках феноменологической (А. Шюц) и конструктивистской традиции (П. Бергер и Т. Лукман). В фокусе анализа феноменологической теоретико-методологической базы находится человек, его внутренний мир. Игнорировать культурные особенности и социальную организацию было бы ошибочно, поэтому данный контекст учитывался в ходе исследования. Значимость контекста определяется с точки зрения микросоциологии Г. Зиммеля, который одним из первых предпринял попытку найти баланс социальных форм и индивидуализма [Ионин, 1981].

Выбранный подход диктовал и индуктивную логику анализа — от фактов к концепциям. Сложно сказать, объект исследования обосновал методологическое поле или наоборот. Безусловно, предварительное понимание специфики объекта исследования накладывало определенные ограничения на выбор методики. Ключевую роль в выборе подхода к исследованию сыграли поставленные исследовательские вопросы, которые касались содержания и наполненности жизненных стратегий (семейные стратегии, образовательные и карьерные стратегии) молодых мусульман, получающих профессиональное религиозное образование в исламских учебных заведениях Республики Татарстан. С учетом этих блоков был подготовлен топик-гайд, состоявший из нескольких частей, в том числе включавший группу вопросов, направленных на выявление прошлого образовательного опыта, дальнейших образовательных планов и профессиональных стратегий. Формулировки вопросов были тщательно продуманы, так как некоторые из них могли быть расценены верующими как неуместные или провокативные на общем негативном информационном фоне в отношении ислама. Исследование проводилось в период активизации вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке, и в Татарстане проблема религиозно окрашенного радикализма в тот период стояла достаточно остро.

В октябре 2015 г. состоялся выход в поле, ставший первым самостоятельным опытом социологического исследования вне ученичества и первым опытом работы в религиозной среде. Данное исследование было комплексным и проводилось в команде: коллега проводил анкетный опрос, а автор данной работы проводил интервью. В дальнейшем подключались коллеги, осуществляя транскрибирование. Опросы в медресе проходили два месяца: глубинные интервью с учащимися проводились в течение двух-трех дней во время выездов в образовательные учреждения. Длительность интервью составляла от 1 до 1,5 часов.

Отдельно стоит отметить лексическое поле исследования, поскольку в нем широко использовались религиозные термины. Так, под медресе понимается мусульманское религиозно-просветительское и учебное заведение, готовящее представителей мусульманского духовенства. Шакирд — учащийся медресе. Устаз — преподаватель, наставник, учитель в медресе. Имам — это духовное лицо, главное при исполнении религиозных обрядов. Имам-хатыб — мусульманский священнослужитель, проводящий пятничную молитву. Одним из самых ярких маркеров служат мусульманское приветствие «Ас-саляму алейкум ва-рахмату-Ллахи ва-баракятух» (араб. «Мир вам, милость Аллаха и Его благословение»), ответ на него «Ва-аляйкуму с-саляму ва-рахмату-Ллахи ва-баракятух» (араб. «И вам мир, милость Аллаха и Его благословение») и формула «СаллаАллаху алейхи ва-саллам» (араб. «Да благословит его Аллах и приветствует») после упоминания пророка Мухаммеда. Использование этих фраз является Сунной (примером из преданий о пророке Мухаммеде) для мусульманина и используется в обязательном порядке. При первичном вхождении в поле мы не использовали указанные словосочетания часто, прибегая к приветствиям на татарском или русском языках, но было замечено,

что привычные фразы на арабском языке вызывали положительный отклик у информантов. Это сглаживало момент появления «чужеродного элемента» в системе, поэтому при дальнейшем общении мы стали использовать данные фразы в обязательном порядке.

Изначально в силу нехватки опыта проведения интервью исследователь строго следовал вопросам из топик-гайда, задавая их последовательно. Первые несколько выходов в поле были достаточно сложными, что сказывалось на стиле ведения интервью и глубине задаваемых вопросов. Напряжение ощущали и информанты, они были несколько «зажаты», немногословны. На этом этапе исследования нами особенно болезненно воспринималась «проверка» исследователя на право находиться в поле со стороны интервьюируемых. Например, один из молодых информантов решил устроить «экзамен» на знание арабских терминов. К своему стыду, исследователь данный экзамен провалил, так как на тот момент плохо разобрался в принятой в мусульманском кругу лексике.

Преодоление первых трудностей, способность справиться со своими реакциями, страхами и тревогами в рамках данного исследования стало ключевым этапом. Как только появилась уверенность, сместился фокус внимания со своих личных эмоций на объект исследования, произошел качественный скачок в методологии исследования. Структурированное интервью превратилось в биографическое интервью, беседы стали более глубокими, был преодолен страх обидеть информанта слишком личным вопросом. Исследовательская позиция стала более уверенной, расширился репертуар интервьюера на случай непредвиденных обстоятельств. Например, нежелание информанта отвечать на вопрос перестало восприниматься как неудача или фатальная ошибка. Все это повлияло на общий фон интервью, беседы велись спокойнее, свободнее и раскованнее, информанты охотнее делились личными историями, своими сомнениями и неудачами, стали честнее в своих ответах.

Группа информантов была немногочисленной, имелись фильтры для вхождения в поле, поскольку сама среда функционирует по определенным правилам. Как правило, в религиозных сообществах значимо мнение наставника, учителя, старшего руководителя общины. В рамках нашего исследования первоначально были пройдены процедуры согласования с руководством Духовного управления мусульман Республики Татарстан (далее — ДУМ РТ), в дальнейшем было получено разрешение от руководства каждого учебного заведения. Данный опыт очень важен, так как помог понять особенности коммуникации с религиозными структурами и специфику внутренних связей. Построение общения с администрацией также имело свои сложности и нюансы, данный этап служил фильтром к исследовательским вопросам и неоднократному уточнению формулировок. Следующим этапом фильтрации стало общение с руководством и работниками конкретного учебного заведения. Многие вопросы снимались после проведения интервью с директором и преподавателями медресе. Данные экспертные интервью, с одной стороны, позволили наладить контакт и доверительные отношения с коллективом учебного заведения, а с другой — насыщали эмпирические

данные. В дальнейшем они помогли в интерпретации результатов интервью с шакирдами и в целом оформили более полный контекст каждого конкретного учебного заведения. Таким образом, несмотря на то что цель исследования была обозначена достаточно узко и определяла одну конкретную группу информантов — шакирды, расширение поля сбора информации качественно усилило полученные данные.

Мы не имели трудностей в поисках самих респондентов, так как доступ к полю предоставило руководство медресе, а исследование было санкционировано ДУМ РТ, в том числе одобрено муфтием, заместителем муфтия по исламскому образованию и отделом образования. Хотя обычно данный этап в схожих исследованиях вызывает сложности [Островская, 2016]. В дальнейшем шакирды, видя, что устазы позитивно настроены к исследовательской группе, соглашались на интервью.

Так как наши информанты — шакирды очного отделения, то исследование проводилось на территории медресе. Религиозные учебные заведения имеют определенные правила, и мы должны подчиняться требованиям среды. Например, в медресе принято снимать уличную обувь. Это символизирует чистоту и особый статус среды, в которую мы попадаем. Сами шакирды ходят либо во второй обуви (как правило, домашние тапочки), либо в носках. В некоторых медресе в начале обучения у учащихся берутся мерки, чтобы сшить форму, соответствующую одежде шакирдов медресе Казанской губернии начала XX века (удлиненный камзол), а также классическую тубетейку и ичиги. Хотя некоторые шакирды и были в светской одежде (брюки, рубашка, свитер), кто-то выбирал одежду с национальными мотивами и элементами. Девушки же все покрытые, в длинных платьях и платках (хиджабах). В отличие от юношей, даже в крупных городских медресе не было девушек в светской одежде. В медресе царит семейная атмосфера, у каждой группы есть свой кабинет, за который они ответственны. Юноши и девушки, как правило, обучаются раздельно. Иногда, на старших курсах, когда шакирдов остается не так много, а помещений не хватает, занятия проходят совместно, но с соблюдением раздельной рассадки (как правило, юноши рассаживаются попарно в передних рядах, девушки садятся позади на некотором отдалении). На переменах общение между юношами и девушками не было замечено. Более того, если молодые люди выходят в коридор и общаются там, то девушки редко покидают учебный класс.

Важную структуру интервью составляют контекст респондента и контекст интервьюера [Сэлф, 2021: 9]. Особенно в случае вхождения в особый, иной фрейм, который имеет свои строгие правила и роли. Как бы интервьюер ни подстраивался, невозможно избежать взаимовлияния всех участников интервью на ход самого исследования, на его результаты и интерпретации. Опыт автора сводится к тому, что длительное погружение в исследовательское поле обогащает репертуар навыков исследователя. Дистанцирование и повторные погружения помогают формировать более чувствительный инструментарий. С другой стороны, в этом же кроется и опасность бесконечного исследования, однако любой объект исследования подвержен эволюции.

В любом исследовательском поле нужно учитывать когнитивный компонент. Кажется, что когнитивное интервью подходит не только для решения задач пилотной части исследования [Климов, 2021: 116]. Особенно в случае, когда исследование циклично повторяется. Интерпретация вопроса, формирование мнения, редактирование ответа — когнитивные этапы каждого интервью в исследовании.

Работая в религиозном поле, исследователь актуализирует свой методологический статус — инсайдер или аутсайдер. Идентификация исследователя с информантами анализируется достаточно активно. Так, Д. С. Брилева выделяет факторы, влияющие на соотнесенность исследователя с типичным представителем конкретной изучаемой общины: собственно религиозный фактор, национальный; территориальный; временной; социально-экономический; идеологический; по степени/характеру влияния той или иной исламской традиции; гендерный [Брилева, 2016]. В рамках нашего кейса мы утверждаем относительное инсайдерство, когда у исследователя есть не абсолютная идентификация с исследуемой группой, но по некоторым факторам исследователь является «своим». Например, в нашем случае большую роль сыграла национальность, этнокультурная и религиозная идентичность, татарское имя, понимание и использование татарского языка вызывали положительный отклик у руководства медресе и преподавателей. Однако при контакте с молодыми шакирдами этот аспект не играл особой роли. Вопрос религиозной принадлежности (в контексте религиозной практики) за все время проведения исследования поднимался всего два раза, интерес был со стороны шакирдов-юношей. Но никакой агрессии, отторжения или дистанцирования данный вопрос у информантов не вызывал. В целом наш опыт исследования согласуется с выводами других исследователей: роль аутсайдера, сама по себе достаточно многогранная и динамичная, менее значима для установления отношений с респондентами, нежели налаживание эмоциональной связи [Филькина, 2009].

При исследовании исламской среды постоянно поднимается дискуссионный вопрос о внешнем виде девушек-исследовательниц, актуальный для тех исследовательниц, которые в обыденной жизни не носят платки и закрытые платья. Мы занимаем следующую позицию: одежда должна соответствовать мусульманским канонам (длинные рукава, закрытые плечи, длинная юбка или широкие брюки), платок надевался на «светский» манер (например, открытый подбородок или в виде тюрбана). В целом внешний образ был нацелен на демонстрацию позиции «уважаю традиции и правила, соответствую им, но платок не мой ежедневный атрибут». Возможно, для большего погружения в среду, налаживания тесных связей с респондентами-мусульманками некоторые исследователи и пожелали бы позиционировать себя как «покрытые и соблюдающие» мусульманки, но в данной ситуации встает вопрос этичности таких действий перед своими респондентами и перед самим собой.

Сложный вопрос: вписаться в среду религиозного учебного заведения любой ценой или исследователь подчеркнуто должен быть вне данной системы? Правильно ли это — мимикрировать под своих информантов? По мнению

К. Гирца, антропологи «не стараются стать туземцами или подражать им», так как одна из целей исследователей — это «расширение границ человеческого дискурса». Достигается это с помощью «понимающего» подхода, когда та или иная культура описывается с использованием конструкций и формул, свойственных этой культуре [Гирц, 2004: 20–21]. Наиболее эффективной для результата и комфортной для исследователя кажется позиция между «ин» и «аут», описанная А. В. Филькиной [Филькина, 2009].

При налаживании общения с шакирдами позитивным фактором оказался возраст исследователей, общение строилось на равных, информанты не выказывали какой-либо дискомфорт, а часто переходили на «экспертный тон» повествования, что также положительно сказывалось на исследовании. Трудности возникали при построении коммуникаций с юношами. Даже при согласии на интервью в последующем были сложности с раскрытием и расположением к разговору информантов: сложность в формулировании своих мыслей; стремление давать «социально ожидаемые ответы»; противоречивые ответы. Возможно, свою роль в этом сыграл пол интервьюера — в исламе общение наедине мужчины и женщины порицается. Однако прямых и категоричных отказов от общения не было. Также у шакирдов присутствовало напряжение, продиктованное ожиданием вопросов о радикализме, так как в повестке 2015–2018 годов еще были актуальными вопросы профилактики негативных проявлений в мусульманской среде (различные формы политизации и радикализации ислама). Смягчающим же фактором было отсутствие ожидаемых «опасных» вопросов и, возможно, представление, что молодая женщина не может причинить вред.

Конечно, в ходе интервью не все удавалось, особенно на первых этапах. Например, информанты односложно отвечали на вопросы, требующие развернутого ответа. Такие интервью могли занять десять минут (конечно, в дальнейшем они не использовались в качестве материала для анализа). Но это необходимый, болезненный для самого исследователя опыт, который позволяет сформировать умение и навык работы в поле. Со временем исследователь смог свести количество подобных «сухих» интервью к минимуму. Для этого полезным оказался стиль «живого общения», когда до интервью инициировался отвлеченный разговор, например о погоде, об обстановке. Далее следовал подробный рассказ не только о проводимом исследовании, но и в целом об образовании и профессиональной деятельности интервьюера. Кажется, что в данном случае не столько информация, а время и нахождение на знакомой для информанта территории позволяли создать комфортную обстановку и подстроиться друг к другу.

Трансформация метода исследования с интервью на биографическое интервью происходила постепенно. Наиболее информативными оказывались беседы, в которых разговор вел сам информант, а исследователь лишь высказывал интерес к конкретным аспектам или помогал раскрыть какие-то моменты истории. Интервью насыщается, когда исследователь делится с информантом своими историями, проводит параллели с собственным опытом, рассказывает примеры из жизни своей семьи. При благоприятных условиях,

если налажен эмоциональный контакт, информант делится своими личными переживаниями, иногда сомнениями, которые он не озвучивает своим близким. Вероятно, в подобных случаях срабатывает «синдром попутчика». Исследователю необходимо исключить в разговоре экспертный тон, оценивание поступков и мнений информанта, так как эти моменты достаточно тонкие и связаны со сферой эмоций, их сложно проконтролировать, поэтому только искренний интерес и доброжелательность являются основой успешного интервью. Однако при этом не стоит устанавливать излишне близкий эмоциональный контакт, поддаваться на провокации и манипуляции информанта.

Заключение

Ключевая особенность исследований в рамках качественной традиции — это поисковый и неструктурированный характер проведения полевого этапа исследования и анализа результатов. Активная институционализация религиозного образования в регионе оказывает влияние и на участников процесса. Таким образом, биографическое интервью дает понимание не только индивидуального опыта, но и разворачивается вместе с контекстом того социального института (социальной формы), который его регулирует. В нашем случае единицу контекста сформировали социально-экономические показатели района, в котором находится учебное заведение, история становления учебного заведения, специфика учебного плана, информация о деятельности медресе, полученные от руководства и преподавательского состава. Основное исследование контекста проводилось перед биографическими интервью и в последующем дополнялось.

Выбранный метод исследования имеет свои сильные и слабые стороны, определенные недостатки и ограничения. В целом наш опыт показывает, что в рамках качественных методов после этапа поля раскрываются новые грани исследовательских вопросов и гипотез, и это необходимо учитывать, закладывая высокую гибкость в программу. Интервью позволили получить уникальный и глубокий материал. В ходе исследования раскрывались неявные тенденции и новые акценты жизненных стратегий молодых мусульман, выбравших профессиональное религиозное образование.

Опыт исследования с элементами антропологического подхода заключается в том, что мы «искали общий язык» для ведения разговора с информантами в широком смысле слова, при этом исследование проводилось на территории информантов, которая содержит в себе определенные символические смыслы. Исследователь прибегал к частичному включенному наблюдению, что нашло свое отражение и в последующих этапах исследования, где использовался метод плотного описания — интерпретации и анализу подвергались не только вербальные цитаты информантов, но и определенные символы культуры, велся поиск неявных и скрытых смыслов и значений. Постоянный возврат в поле благодаря длительности исследования, регулярной коммуникации с администрацией ДУМ РТ, учебных заведений позволяет применять элемент

включенного наблюдения. Полевые исследования меняют взгляд на мир. Изучая жизненные миры информантов, исследователи влияют на участников исследования точно так же, как процессуально изменяется их восприятие анализируемого поля.

Литература

- Брилева Д. С.* Антропологический аспект инсайдерства и аутсайдерства в исламоведении // *Исламоведение*. 2016. Т. 7. № 4. С. 46–57. DOI: <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2016-7-4-46-57>
- Галкин К. А.* Карьерные стратегии молодых сельских врачей Ленинградской области: нарративный анализ // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2018. № 1. С. 158–167. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-1-158-167>
- Гирц К.* Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004.
- Дивисенко К. С., Дивисенко О. В.* Биографическое исследование реинтерпретации личной истории у православных верующих // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2016. № 4. С. 24–37.
- Дони Т.* Социология религии и новые границы качественного исследования // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2018. № 3. С. 256–268.
- Ионин Л. Г.* Георг Зиммель — социолог (критический очерк) / Отв. ред. Ю. Н. Давыдов. М.: Наука, 1981.
- Климов И. А.* ИНТЕР-энциклопедия: когнитивное интервью // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2021. Т. 13. № 4. С. 114–127.
- Кучмаева О. В.* Семья и карьера: выбор жизненной стратегии московским студенчеством // *Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики*. М.: Экон-Информ, 2019. С. 82–87.
- Осипова Л. Б., Энвери Л. А.* Жизненные стратегии молодежи: опыт социологического исследования // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2016. № 4. С. 108–129. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2016.4.46.6>
- Островская Е. А.* Религиозное «еврейство»: опыт биографического нарратива в закрытой группе // *Социологические исследования*. 2016. № 2. С. 110–118.
- Рогозин Д. М.* В тени опросов, или будни полевого интервьюера. М.: Страна Оз, 2017.
- Рождественская Е. Ю., Семенова В. В.* Качественная методология как ресурс социально-го прогнозирования: возможности и ограничения // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2017. № 3. С. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.01>
- Русакова М. М.* Социологическая модель жизненных траекторий женщин, вовлеченных в проституцию // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2019. Т. 12. № 3. С. 249–262. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.303>
- Сэлф Б.* Как провести интервью во время и после пандемии COVID-19 // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2021. Т. 13. № 4. С. 9–27. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.1>
- Тупахина О. В.* Религиозная биография как форма нарративизации жизненного мира верующих (на примере православных христиан) // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2012. № 1. С. 185–197.
- Филькина А. В.* Этнографический метод в исследованиях новых религиозных движений: проблема формирования исследовательской позиции: автореферат дис. ... к. соц. наук. М., 2009.
- Форум: Опасности поля: перспектива исследователя // *Антропологический форум*. 2021. № 48. С. 11–88. DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-48-11-88>
- Чудова И.* Постмодернистская социология и качественная методология: идеологические пересечения // *Социальная реальность*. 2008. № 6. С. 102–110.

Willms C. Irritations, Findings, and Transformation Following an Interview with a Female Muslim Environmentalist: (Narrative) Positioning and Self-Reflexivity in Relation to Interview Analysis // Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research. 2022. Vol. 23. № 1. DOI: <https://doi.org/10.17169/fqs-23.1.3746>

Сведения об авторе:

Гибадуллина Миляуша Рустамовна — научный сотрудник Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия. **E-mail:** g.milya@mail.ru. **ПИНЦ Author ID:** [855345](#); **ORCID ID:** [0000-0002-7448-5085](#); **ResearcherID:** [ABG-8488-2021](#).

Статья поступила в редакцию: 17.05.2022

Принята к публикации: 10.06.2022

.....

Experience in the Study of the Religious Field: Reflection on the Example of Republic of Tatarstan

DOI: [10.19181/inter.2022.14.2.5](https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.2.5)

Milyausha R. Gibadullina *Center for Islamic Studies of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia*
E-mail: g.milya@mail.ru

The article presents a research's reflection on entrance and working in the religious field, description of physical context of the research and the researcher's frame in a particular case, through the main aspects: researcher's identity (gender, age, nationality), personal research position, determined through the correlation of insidership and outsidership. The author draws attention to the fact that the researcher's position cannot be clearly defined through the categories of insider and outsider, each participant of the study has a complex system of identities, cultural and social markers that will certainly have points of contact, intersections and divergences. The article reveals the features of the empirical part of the study devoted to the life strategies of young Muslims, in particular, the issues of research organization, establishing communication with the research field, and conducting interviews.

Keywords: qualitative methods; interview; researcher; research object; field; research context

References

- Brileva D.S. (2016) Antropologicheskij aspekt insajderstva i autsajderstva v islamovedenii [The Anthropological Aspect of Insidership and Outsidership in Islamic Studies]. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. Vol. 7. No 4. P. 46–57. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2016-7-4-46-57>
- Chudova I. (2008) Postmodernistskaya sotsiologiya i kachestvennaya metodologiya: ideologicheskie peresecheniya [Postmodern Sociology and Qualitative Methodology: Ideological Intersections]. *Sotsial'naya real'nost'* [Social Reality]. No. 6. P. 102–110. (In Russ.)

Divisenko K.S., Divisenko O.V. (2016) Biograficheskoe issledovanie reinterpetsii lichnoj istorii u pravoslavnyh veruyushchih [The Biographical Research of Personal History (Re-)interpretation among Orthodox Believers]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. No. 4. P. 24–37. (In Russ.)

Doni T. (2018) Sotsiologiya religii i novye granitsy kachestvennogo issledovaniya [Sociology of Religion and New Frontiers of Qualitative Research]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. No. 3. P. 256–268. (In Russ.)

Fil'kina A.V. (2009) *Etnograficheskij metod v issledovaniyah novyh religioznyh dvizhenij: problema formirovaniya issledovatel'skoj pozitsii* [The Ethnographic Method in the Research of New Religious Movements: The Problem of Forming a Research Position]. Abstract of the Dissertation for the Degree of Candidate of Social Sciences. Moscow. (In Russ.)

Forum: Opasnosti polya: perspektiva issledovatelya [Forum: The Dangers of the Field: The Researcher's Perspective] (2021) *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum]. No. 48. P. 11–88. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-48-11-88>

Galkin K. A. (2018) Kar'ernye strategii molodyh sel'skih vrachej Leningradskoj oblasti: narrativnyj analiz [Career Strategies of Young Rural Doctors of the Leningrad Region: A Narrative Analysis]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Filosofiya, Psihologiya, Sociologia* [Perm University Herald. Series Philosophy. Psychology. Sociology]. No. 1. P. 158–167. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-1-158-167>

Geertz K. (2004) *Interpretatsiya kul'tur* [The Interpretation of Cultures]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Ionin L. G. (1981) *Georg Zimmel' — sotsiolog (kriticheskij ocherk)* [Georg Simmel — a Sociologist (Critical Essay)] / Ed. by Yu.N. Davydov. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Klimov I. A. (2021) INTER-entsiklopediya: kognitivnoe interv'yū [INTER-encyclopedia: Cognitive Interview]. *Interaktsiya. Interv'yū. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 13. No. 4. P. 114–127. (In Russ.)

Kuchmaeva O.V. (2019) Sem'ya i kar'era: vybor zhiznennoj strategii moskovskim studenchestvom [Family and Career: Choice of Vital Strategy by the Moscow Students]. *Molodezh' i molodezhnaya politika: novye smysly i praktiki* [Youth and Youth Policy: New Meanings and Practices]. Moscow: Econ-Inform. P. 82–87. (In Russ.)

Osipova L. B., Enveri L. A. (2016) Zhiznennye strategii molodezhi: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya [Life Strategies of Young People: Sociological Research Experience]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. No. 4. P. 108–129. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2016.4.46.6>

Ostrovskaya E. A. (2016) Religioznoe "evrejstvo": opyt biograficheskogo narrativa v zakrytoj grupe [Religious "Jewishness": Biographical Narrative in a Closed Group]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2. P. 110–118. (In Russ.)

Rogozin D. M. (2017) *V teni oprosov, ili budni polevogo interv'yuera* [In the Shadow of Surveys, or Exploring the Everyday Life of a Field Interviewer]. Moscow: Strana Oz. (In Russ.)

Rozhdestvenskaya E. Yu., Semenova V.V. (2017) Kachestvennaya metodologiya kak resurs sotsial'nogo prognozirovaniya: vozmozhnosti i ogranicheniya [Qualitative Methodology as a Tool for Social Forecasting: Opportunities and Limitations Authors]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3. P. 1–11. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.01>

Rusakova M. M. (2019) Sotsiologicheskaya model' zhiznennykh traektorij zhenshchin, vovlechenykh v prostitutsiyu [Sociological Model of Life Trajectories of Women Involved in Prostitution]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology]. Vol. 12. No. 3. P. 249–262. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.303>

Self B. (2021) Kak provesti interv'yuu vo vremya i posle pandemii COVID-19 [Conducting Interviews During the COVID-19 Pandemic and Beyond]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation], Vol. 13. No. 4. P. 9–27. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.1>

Tupahina O.V. (2012) Religioznaya biografiya kak forma narrativizatsii zhiznennogo mira veruyushchih (na primere pravoslavnyh hristian) [Religious Biography as a Form of Narrativization of the Life World of Believers (on the Example of Orthodox Christians)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. No. 1. P. 185–197. (In Russ.)

Willms C. (2022). Irritations, Findings, and Transformation Following an Interview With a Female Muslim Environmentalist: (Narrative) Positioning and Self-Reflexivity in Relation to Interview Analysis. *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*. Vol. 23. No. 1. DOI: <https://doi.org/10.17169/fqs-23.1.3746>

Author bio:

Milyausha R. Gibadullina — Researcher, Center for Islamic Studies of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia. **E-mail:** g.milya@mail.ru. **RSCI Author ID:** 855345; **ORCID ID:** 0000-0002-7448-5085; **ResearcherID:** [ABG-8488-2021](https://orcid.org/0000-0002-7448-5085).

Received: 17.05.2022

Accepted: 10.06.2022